

Диалог как способ реализации стратегии назидательности

И. В. Компанеева

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Dialog as a Means of Realization of Moralizing Strategy

I. V. Kompaneeva

Saint-Petersburg State University, Russia

Ключевые слова: речевая стратегия, тактика, речевой акт, назидательная литература, диалог, коммуникативное действие.

XIII век ставит в центр внимания общества вопросы морали и жизненных норм. Именно в это время возникает потребность в назидательной литературе. К этому жанру относится роман «Мориц фон Краун». Его автор создает поучительные ситуации и использует различные способы реализации своих назидательных намерений. К одному из таких способов можно отнести использование диалога для трансляции авторских поучительных идей посредством одного из персонажей. Таким образом, в статье высказывается гипотеза о существовании отдельного типа назидательных диалогов.

Keywords: communicative strategy, tactics, speech act, Moralité, dialogue.

The 13th century has brought the issues of morality and norms of behavior into the focus of society. This has driven the need to produce the Moralité literature at that time. The novel "Mauricius von Craun" was an example of such genre. The author creates didactic situations and uses different methods of realization of his moralizing intents. The use of dialogs in order to impart the author's moral views may be viewed as one of these methods. This article presents a hypothesis on the existence of a specific type of didactic dialogs.

Центральным понятием коммуникативно-прагматического подхода к исследованию языка является речевая деятельность или общение. Характерной особенностью речевого общения В. В. Богданов называл его построение по диалогическому принципу — принципу смены коммуникативных ролей [2, с. 40]. Диалог представляет собой «совокупность речевых действий и речевых операций со стороны говорящего, создающего речь, и слушающего, ее воспринимающего, которая вызывается определенными потребностями, ставит перед собой определенную цель и совершается в конкретных условиях» [3, с. 10].

Разнообразие всевозможных вариантов развития диалога кажется бесконечным и, как отмечает Г. Фритц, «едва ли хотя бы один диалог идентичен другому, независимо от их институционально строго нормированной формы». При этом понятно, что диалоги структурированы, что различные диалоги похожи друг на друга и что их можно классифицировать [6, S. 178]. В статье выдвигается гипотеза о существовании класса так называемых назидательных диалогов как одного из способов реализации стратегии назидательности.

Назидательность в этой статье понимается как «сообщение знания и руководство к действию в жизни, устанавливающееся на уровнях порождения и восприятия текста» [7, S. 93]. При этом автор сообщает знания и жизненные правила не только лично, но и посредством своих персонажей, как правило, в диалогах. В подобном случае мы имеем дело с персонажем-представителем идей автора и его оппонентом, которого первый пытается наставить на путь истинный.

Материалом исследования послужил диалог служанки и госпожи в назидательном романе XIII в. «Мориц фон Краун». Тема романа — образцовое служение Даме и отказ от любовного вознаграждения. Об авторе и о целевой аудитории произведения ничего не известно, кроме того что написано оно было носителем рейнско-франкского диалекта, который был знаком с французским фаблио того же периода времени.

Поскольку письменные источники — это единственный доступный нам материал более ранних периодов развития языка, содержащий речевую коммуникацию, стоит отметить и учесть «роль относительно постоянных моментов, без которых не было бы единого объекта исследования, их важность для обеспечения принципиальной возможности понимания коммуникации более ранних эпох <...> основы человеческого мышления, наиболее общие виды человеческой деятельности, типичные сферы деятельности, в том числе и коммуникативной и т. д.» [1, с. 4]. Героев произведения в подобном случае можно считать «схематичным воплощением реальных личностей, риторических идеалов общества в рамках конкретной речевой ситуации или на всем пространстве текста» [5, с. 10].

Сюжет диалога довольно известен. Молодая графиня назначает рыцарю свидание. В тайном месте он ожидает появления своей дамы. Госпожа задерживается, и герой решает поспать до ее прихода, попросив служанку разбудить его, когда госпожа появится. Однако когда дама, наконец, приходит на место свидания и видит уснувшего рыцаря, она гневается и запрещает служанке будить его. Диалог начинается со слов госпожи. Она говорит о заслугах рыцаря перед ней:

(1) *ich weiz wol diu warheit // daz ein man mit sinem libe // nie baz gediente wibe // danne mir dieser hat getan. (1266–1269)*

Глагол *weizan* в настоящем времени и сравнение с усилением в виде отрицательного слова *nie* (*nie baz ... danne*) указывают на абсолютную уверенность говорящей в своих словах. Однако после описания всех прошлых заслуг героя (о чем свидетельствует использование при описании глаголов в формах прошедшего времени — *gediente, hat getan*) героиня обрушивает свой гнев на его нынешние поступки, используя глагол в настоящем времени, ср. пример:

(2) *nu liget er als ein totez schaf. (1277)*

В примере 2 вновь использовано сравнение, теперь героя сравнивают с мертвой овцой (*ein totez schaf*). Следующая реплика госпожи проясняет всю причину ее недовольства:

(3) *im ist lieber danne min ein slaf*. (1278)

Она негодует из-за того, что герой, по ее мнению, променял ее на сон (*lieber danne min*). Желая отомстить, госпожа хочет навсегда лишиться его своего общества. Ее решение твердо и непоколебимо, что выражается в форме глагола, стоящего в перфекте и выражающего таким образом уже свершившееся действие, ср.:

(4) *sin slafen hat mich im benomen*. (1287)

В романе служанка «действует и аргументирует согласно задачам литературной модели, в которой верное служение должно быть вознаграждено» [8, S. 40]. Она жалеет рыцаря и пытается образумить госпожу, напоминая ей о необходимости держать свое слово, в особенности в любовных делах. Свою поучительную речь служанка строит аргументировано, прибегая к различным назидательным тактикам. Под тактикой в статье понимается «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [4, с. 10].

Сначала служанка использует тактику предписания. Она практически требует, чтобы госпожа прислушалась к ее наставлениям, используя модальный глагол долженствования *sollen*, ср.:

(5) *frouwe, ir sult gelouben mir*. (1304)

Затем служанка прибегает к тактике предсказания — одного из достаточно сильных способов аргументации. Она приводит своей госпоже сразу два взаимосвязанных предсказания, разворачивающих перед дамой весьма безрадостное будущее. Ср. примеры 6 и 7:

(6) *swenne man die schande // erveret after lande, // so komet ir nimmer mere // wider an iuwer ere*. (1305–1308).

(7) *unde mac iu wesen leit // begat ir diese unhövescheit*. (1309–1310)

Оба предсказания выражены придаточными условия, первое из которых вводится союзом *swenne*, а второе — бессоюзно. Причем первое условие является предпосылкой для второго: все, о чем говорится в примере 6, в примере 7 заменяется одним словом — неучтивость (*unhövescheit*). Таким образом, мы имеем дело с цепочкой аргументов. Желая показать, что подобное развитие событий более чем реально, служанка использует в своих словах изъявительное наклонение (*erveret, komet, begat, mac*). Негативно окрашенные лексемы (*schande, wider ere kommen, leit, unhövescheit*) в темных красках рисуют грядущие перспективы.

Далее служанка применяет тактику порицания, открыто выражая свое мнение, касаемо поведения своей госпожи. Ср.:

(8) *so ist iuwer zorn niht wol bewant*. (1314)

Лексема *so* является анафорической отсылкой ко всем предыдущим аргументам служанки, как бы подводя итог всему вышесказанному: гнев госпожи в данном случае неприемлем (*niht wol bewant*).

В следующей реплике служанка переходит от частного к общему — и вновь прибегает к тактике предсказания. Однако если предыдущие два предсказания изображали отрицательные последствия для самой госпожи (примеры 6 и 7), то новое предсказание действует более глобально, ср.:

(9) swenne diu werlt mit disem schaden // von iuvern schulden ist geladen // ditz ist uns wiben ein misseval, // daz sich ein man niht lazen sal // an unser keiner nimmer me. (1315–1319)

Как и в случае с примером 6, предсказание выражено придаточным условия с союзом *swenne*. Негативные события в будущем выражены метафорой «мир перегружен несчастьями» (*diu werlt ist mit schaden geladen*), вина за которые целиком лежит на госпоже (*von iuvern schulden*). Сочетание трех отрицаний в одном предложении (*niht, keiner, nimmer me*) увеличивает силу воздействия данного высказывания.

После подобного обобщенного предсказания служанка вновь обращается непосредственно к госпоже, повторно используя тактику предписания, с которой она начинала свою речь (ср. пример 5):

(10) durch got, frouwe, bedenket iu. (1325)

(11) heizet in uf stan. (1327)

Призывая Бога в свидетели (*durch got*), служанка просит госпожу одуматься (*bedenken*) и использует при этом глагольные формы повелительного наклонения (*bedenket, heizet*).

Риторический вопрос, заданный ближе к финалу речи, занимает сильную позицию и призван дать госпоже пищу для размышлений:

(12) waz ist diu werlt an wibes lon? (1335)

Из примера видно, что фокус говорящего вновь сместился с частного (госпожи) на общее (весь мир — *diu werlt*).

Свою речь служанка заканчивает тактикой иллюстрации. Она ссылается на царя Соломона, считающегося воплощением всей мудрости на Земле. Ср.:

(13) lebet der künic Salomon, // er künde niht geraten baz. (1336–1337)

Свои советы и поучения служанка сравнивает с советами Соломона («...и он не мог бы лучше посоветовать»), используя глагол в сослагательном наклонении (*künde*), выражающем ирреальное сравнение.

Таким образом, поучительную речь служанка строит, комбинируя четыре назидательных тактики (предписание, предсказание, иллюстрация и порицание), а также постоянно держа слушающего в напряжении, регулярно смещая фокус своего повествования с частного на общее и наоборот. Использование большого количества отрицательных слов и конструкций наглядно демонстрируют возможные негативные последствия, а обращение к авторитетам времени делает наставления более вескими и значительными.

Ответные слова госпожи более эмоционально окрашены и несут в себе значительно меньше аргументов в свою защиту. В первом предложении она использует тактику жалости, ср.:

(14) mir ist leit daz ich mich minne / ie underwant so verre. (1340–1341)

Графиня выражает сожаление (*mir ist leit*) в том, что она слишком подчинила (*ie underwant so verre*) свою жизнь любви. В отличие от своей служанки, действующей в рамках литературной модели высокой любви (*höhiu minne*), госпожа внезапно осознает «нравственные и общественные представления о браке и об измене» [8, S. 40]. В этом случае мы имеем дело с «разрушением литературного конструкта, поскольку тема высокой любви рассматривается в “Морице фон Крауне” с позиций шванка» [8, S. 42].

Иллюстрируя свою точку зрения, графиня приводит два примера негативных последствий высокой любви, облекая их в форму народных мудростей:

(15) *swem zuo der minne ist ze gach, // da gat vil lihte schade nach.* (1343–1344)

(16) *swer an staete minne lat, / ... / als der ein netze stellet // und selbe darin vellet.* (1345–1347)

Оба примера выражены придаточными субъектными предложениями с союзом *swer* (тот, кто...). Графиня изображает отрицательную стороны любви при помощи сравнения — полагаться на любовь, словно самому себе расставлять ловушку (*ein netze stellet*). И пример 15, и пример 16 имеют одинаковое пропозициональное значение «от любви людям только хуже». Использование похожих по смыслу предложений призвано усилить их влияние на слушающего и тем самым убедить его.

Приведя два довода против любви, графиня подводит итог сказанному:

(17) *des will ich bewaren mich.* (1350)

В примере 17, как и в примере 8, мы имеем дело с анафорической отсылкой ко всему вышесказанному, в данном случае выраженной местоимением *des*. Как и служанка, в процессе своей аргументации графиня таким образом подводит промежуточный итог своим словам. Подобный ход позволяет ей выдвинуть новый тезис, неразрывно связанный с предыдущими:

(18) *die man sint unstaete.* (1353)

От утверждений о вреде любви графиня перешла к отрицательной характеристике мужчин в целом. При этом для этого она использует то же самое прилагательное *staete* «благородный», которое она употребляла, говоря о любви.

Завершая свою речь, графиня утверждает, что желает все оставить как есть:

(19) *von diu will ich sin al ich bin.* (1362)

Пример 19 похож на пример 17. Здесь мы снова имеем дело с анафорической отсылкой, введенной дейктическим словом *diu*, а также для выражения внутренней потребности вновь использован глагол *wollen*.

Речь госпожи практически в два раза короче речи служанки (22 и 48 строчек соответственно) и не так насыщена аргументами и тактиками. Вследствие этого речь служанки выглядит убедительнее, что, впрочем, объяснимо, ведь именно служанка является носителем авторских идей, и именно она реализует в этом разговоре стратегию назидательности.

Несмотря на все аргументы служанки, графиня все же осталась при своем мнении. Однако не она является основным объектом воздействия слов служанки, но читающий или слушающий этот роман человек. Слова служанки реализуют стратегию назидательности в полной мере — мы имеем дело с комбинациями тактик предписания, порицания, предсказания и иллюстрирования, постоянной сменой фокуса с частного на общее и наоборот, а также с противопоставлениями, сравнениями и метафорами. Аргументация служанки не только богаче лексическими и синтаксическими средствами, она также объемнее ответных слов графини, что производит более убедительное впечатление.

Итак, по итогам анализа можно предположить существование определенного типа назидательного диалога, отличающегося реализацией в нем соответствующих тактик. Особенностью данного типа диалогов является

не только общий поучительный тон, но и некий элемент спора, процесс отстаивания разных точек зрения, из которых правильная, с точки зрения автора, представляется более широким спектром лингвистических средств и раскрывается, таким образом, полнее, за счет чего и достигается необходимый перлокутивный эффект.

ИСТОЧНИК

Mauricius von Craun. Hgg. von D. Klein. Stuttgart: Reclam, 2008. 247 S.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баева Г. А.* Предисловие // Очерки по исторической прагматике германских языков / под ред. Г. А. Баевой. СПб: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 3–6.
2. *Богданов В. В.* Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во Лен. гос. у-та, 1990. 88 с.
3. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 159 с.
4. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: USSR, 2008. 288 с.
5. *Чиняева В. В.* Механизмы формирования и интерпретация имплицитных смыслов в различных типах коммуникативных высказываний: автореф. канд. фил. наук. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 22 с.
6. *Fritz G.* Grundlagen der Dialogorganisation // Handbuch der Dialoganalyse. Hgg. von G. Fritz und F. Hundsnurscher. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1994. S. 177–201.
7. *Huber Chr.* Lehrdichtung // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Hgg. von B. Steinbrink, B. Weit, A. Hettiger. Bd. 5. Tübingen: De Gruyter, 2001. S. 107–112.
8. *Klein D.* Einleitung // Mauricius von Craun. Hgg. von D. Klein. Stuttgart: Reclam, 2008. 247 S.

REFERENCES

1. *Baeva G. A.* Predislovie // Oчерki po istoricheskoy pragmatike germanskikh yazykov / pod red. G. A. Baevoy. SPb: Izd-vo SPbGU, 2012. S. 3–6.
2. *Bogdanov V. V.* Rechevoe obshchenie. Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty. L.: Izd-vo Len. gos. u-ta, 1990. 88 s.
3. *Kubryakova E. S.* Nominativnyi aspekt rechevoy deyatel'nosti. M.: Nauka, 1986. 159 s.
4. *Issers O. S.* Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. M.: USSR, 2008. 288 s.
5. *Chinyaeva V. V.* Mekhanizmy formirovaniya i interpretatsiya implitsitnykh smyslov v razlichnykh tipakh kommunikativnykh vyskazyvaniy: avtoref. kand. fil. nauk. SPb: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2015. 22 s.
6. *Fritz G.* Grundlagen der Dialogorganisation // Handbuch der Dialoganalyse. Hgg. von G. Fritz und F. Hundsnurscher. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1994. S. 177–201.
7. *Huber Chr.* Lehrdichtung // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Hgg. von B. Steinbrink, B. Weit, A. Hettiger. Bd. 5. Tübingen: De Gruyter, 2001. S. 107–112.
8. *Klein D.* Einleitung // Mauricius von Craun. Hgg. von D. Klein. Stuttgart: Reclam, 2008. 247 S.

Компанеева Ирина Владимировна

Научная отрасль: филологические науки.
Санкт-Петербургский государственный университет,
аспирант кафедры немецкой филологии.
E-mail: i.kompaneeva@gmail.com